

В. А. Шкерин
**ПУТЕШЕСТВИЕ ПОКОЙНИКА ИЗ ФЛОРЕНЦИИ
В НИЖНЕТАГИЛЬСКИЙ ЗАВОД**

doi: 10.30759/1728-9718-2018-3(60)-133-141

УДК 393

ББК 63.5-534

В наших представлениях движение привычно ассоциируется с жизнью. Но примеры, когда в дальний путь отправлялся умерший правитель, военачальник, богач, герой или «властитель дум», не составляют исключения в истории. К такому «путешественнику» окружение относилось не как к бессловесному грузу, который необходимо переместить из одной местности в другую, а скорее как к соучастнику путешествия. В процессе посмертного перемещения и похорон умершему желали доброго пути, просили у него прощения, приносили ему клятвы. Продолжала действовать его последняя воля, определявшая маршрут движения, место похорон, ритуалы, которыми должны сопровождаться эти действия. Подобные распоряжения и особенности их исполнения впоследствии могли лечь в основу мифов и преданий, определявших культурно-символические коды территорий и социальных общностей. С учетом этих теоретических положений в статье рассматривается история доставки из Италии на Урал тела крупнейшего горнозаводчика — Николая Никитича Демидова (1773–1828). Поднимается вопрос о символическом значении погребения владельца на территории заводского округа, который он посетил лишь однажды. Похороны Н. Н. Демидова заложили основу владельческого некрополя в Нижнетагильском заводе: позднее здесь же были похоронены его сын и внук (они тоже умерли в Европе), а также иные представители знаменитой династии.

Ключевые слова: путешествие, дорога, похороны, русское дворянство, заводчики Демидовы, Урал, Нижнетагильский завод, первая половина XIX века

Via est vita — латынь, не требующая перевода. Однако история знает немало примеров, когда в дальний путь отправлялся покойник — правитель, военачальник, богач, герой или «властитель дум». Казалось бы, конфликт смыслов заложен тут изначально, поскольку слово «покойник» — от слова «покой», т. е. это тот, кому присуща неподвижность, как внешняя (в пространстве), так и внутренняя (остановка всех физиологических процессов, упокоевание души). Но умерший — не просто тело или груз, он все еще человек, связанный с покидаемым миром родственными и иными узами. Продолжает действовать воля покойного («последняя воля»), определяя, например, место и процедуру похорон. Сами похороны осмысляются «как переселение, переезд в новый дом, в новую зону обитания».¹ С этой точки зрения смерть (не как свершившийся факт, но как процесс умирания и ритуал прощания с покойным) — это всегда дальний путь, а дорога на кладбище — лишь ее символ. Не случайно «дорога — метафора и символ смерти».²

Обобщая, можно сказать, что дорога равно олицетворяет жизнь и смерть, служа метафорой перехода, преобразования. Во время похорон усопший пребывает в пограничном состоянии: к нему можно обратиться (например, с пожеланиями доброго пути), душа его в силу неких причин (в том числе неверного соблюдения обрядов) может задержаться неприкаянной на этом свете. И если тело перевозят на дальнейшее расстояние, эти возможности и опасности сохраняются на всем протяжении пути. Окончательно, невозвратно смерть «забирает» умершего лишь после завершения полного цикла похоронных обрядов.³

Такие долгие, протяженные во времени и пространстве похороны выпали на долю представителя знаменитого рода уральских горнозаводских магнатов, одного из богатейших людей России и Европы — Николая Никитича Демидова (1773–1828).

Путником он оказался уже по факту своего рождения в 80 верстах от Петербурга, на возвратном пути родителей из-за границы.⁴

¹ Чистяков В. А. Представление о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX–XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 115.

² Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003. С. 41.

³ См.: Коршунков В. А. Дорожная традиция России. Поверья, обычаи, обряды. М., 2015. С. 206–225.

⁴ «9-го (ноября — В. III.) поутру не могли уже ... выехать по причине, что Александра Евтиховна с осьмого часу начала чувствовать приближение родин, для чего послали немедленно по бабу... А в 9 часов с четвертью благополучно разрешилась от бремени, и к неописуемой радости ее супруга даровал ему Бог сына, как бы в награждение за его столь дальнее и многотрудное путешествие...» (Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова (1771–1773). Екатеринбург, 2005. С. 229).

В 1787 г., в возрасте тринадцати с половиной лет, Николай Демидов остался сиротой и единственным владельцем Нижнетагильского горного округа, территория которого, превышая размеры Бельгии или Швейцарии,⁵ заключала в себе девять заводов и несколько деревень с 7,6 тыс. крепостных душ (не считая вечноотданных и приписных крестьян). За пределами Урала его долю в наследстве составили еще 3,4 тыс. ревизских душ вотчинных крестьян в Тверском и Нижегородском наместничествах и в Московской губернии; «дворы» в Петербурге и Москве; дома в Екатеринбурге, Перми, Казани, Нижнем Новгороде и в иных городах; подмосковные усадьбы и дача на Петергофской дороге. В 1794 г., достигнув «совершенного совершеннолетия» (21 года), Н. Демидов женился на баронессе Елизавете Александровне Строгановой, представительнице другого знаменитого уральского рода. В приданое невесты входил каменный дом на Большой Морской улице в Петербурге, куда молодая чета и переселилась.⁶

Располагая несметными богатствами (и все-таки делая долги, вопреки стараниям опекунов), молодой Н. Демидов не имел нужды, да, вероятно, и желания, служить. Тем не менее, по дворянскому обычаю послужил флигель-адъютантом и генерал-аудитором-лейтенантом в штабе генерал-фельдмаршала Г. А. Потёмкина, камер-юнкером цесаревича Александра и камергером Павла I.⁷ А уже в июне 1801 г. уехал в пятилетнее турне по Германии, Британии, Франции и Италии. Обострение международной обстановки вынудило его вернуться на родину в 1806 г. Тогда же Н. Н. Демидов «сделал вояж столь отдаленный» (!) в Нижнетагильские заводы «единственно для того, чтобы видеть лично как оные, равно ознакомиться с людьми тамошнего края».⁸ Два проведенных на Урале месяца были, судя по томам предписаний, плодотворными, но и единственным визитом в Нижнетагильский округ за всю его жизнь. Осенью 1807 г. Н. Н. Демидов отбыл в Вену, оттуда перебрался в Париж, где постоянно проживала его жена. В Россию он вер-

нулся в месяц вторжения армии Наполеона — в июне 1812 г. В период Отечественной войны сформировал на собственные средства полк, участвовал в сражениях, был награжден. При наступлении мира в 1815 г. «по чрезвычайно расстроенному здоровью» вновь выехал в Европу и более в пределы отечества живым не возвращался.⁹

Путешествия русских дворян не по государственной, а по собственной воле были явлением сравнительно новым. Свободные люди Англии пользовались правом беспрепятственного выезда за границу с эпохи правления Генриха II Плантагенета (т. е. с XII в.),¹⁰ в России же подобное право утвердил лишь Петр III «Манифестом о даровании вольности российскому дворянству» (1762 г.): «Кто ж, будучи уволен из нашей службы, пожелает отъехать в другие европейские государства, таким давать нашей Иностранной коллегии надлежащие паспорта беспрепятственно...»¹¹ С другой стороны, подоспело это право как нельзя более вовремя, поскольку менялось восприятие путешествий и в самой Европе: из связанной с лишениями, трудом и риском необходимости они превращались в источник удовольствий и радости познания. Не случайно во второй половине XVIII в. широкое распространение получили путеводители, дорожные справочники и руководства для путешественников. Попали эти издания в домашние библиотеки и российских вельмож, в том числе Строгановых¹² и Демидовых.¹³

Эпоха длительных (как правило, от двух лет и более) путешествий русских дворян по Европе началась с 1770–1780-х гг.¹⁴ Дарованное Петром III право «отъехать» подтвердили Екатерина II и Александр I. Только Николай I после европейских революций 1820-х — начала 1830-х гг. и выступлений декабристов попытался его несколько ограничить.¹⁵ Зависи-

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ См.: Головнёв А. В. Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie* // Урал. ист. вестн. 2016. № 2 (51). С. 13.

¹¹ ПСЗ-1. Т. 15. № 11444. С. 913.

¹² См.: Бережок Е. В. Туристические путеводители конца XVIII–XIX вв. (по материалам Строгановского фонда научной библиотеки Одесского национального университета имени И. И. Мечникова) // Вісник Одеського національного університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2013. Т. 18, № 2 (10). С. 81–101.

¹³ См.: Пирогова Е. П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000. С. 152, 153, 169, 170, 175, 176, 198–200.

¹⁴ См.: Berelowitch W. La France dans le «Grande tour» des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIII siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. 34 (1–2). Janvier–Juin. P. 193–209.

¹⁵ См.: Стефко М. С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII — первой четверти XIX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 4, 5.

⁵ См.: Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. Челябинск, 1995. С. 18; Юркин И. Н. Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки и производства: опыт науковедческой просопологии. М., 2001. С. 194.

⁶ См.: Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 86, 87.

⁷ См.: Шакинко И. М. Демидовы. Историческое повествование с портретами. Екатеринбург, 2000. С. 157–172.

⁸ См.: Неклюдов Е. Г. Указ. соч. С. 135.

мость строгости этого монарха «в разрешении заграничных отпусков» от «смут на Западе» отмечал, в частности, барон М. А. Корф.¹⁶ Впрочем тип «русского европейца» встретил николаевскую эпоху вполне сформировавшимся (что не исключало его дальнейшего развития), поэтому эффективность ограничительных мер осталась невелика. Собственно, лишь заграничное турне считалось настоящим путешествием, поездки же по России обычно диктовались необходимостью. «Путешествуют там, за границей, в неметчине; а мы что за путешественники? Просто — дворяне, едем в деревню», — рассуждал герой повести графа В. А. Соллогуба «Тарантас».

Европа в представлениях русских дворян обретала облик «страны справедливости и благоденствия», подобно мифической земле Беловодье в представлениях русских крестьян (старообрядцев-странников). Не случайно обе концепции сформировались в одну историческую эпоху рубежа XVIII и XIX вв. как реакция на всепроникновение абсолютистского государства. Но просвещенная Европа, в отличие от Беловодья, была реальна. К тому же дворянский и крестьянский образы благословенных земель удалялись друг от друга географически: один — на запад, другой — все дальше на восток — на Алтай, в Индию, Тибет и «Оппонское царство». Наконец, крестьянские побег объективно имели антикрепостнический и антигосударственный характер (по определению К. В. Чистова, Беловодье — это земля, «освобожденная от податей и обложений»¹⁷). Жизнь русских дворян в Европе оплачивалась эксплуатацией крепостного труда, и лишь немногие из них демонстрировали фрондерские настроения. Так, Н. Н. Демидов, по характеристике писателя и журналиста П. П. Свинына, «хотя по болезненному состоянию... вынужденным находился проживать в теплом климате, за границей», но «всегда был жаркий патриот, готовый содействовать в каждом предприятии правительства и частных людей для пользы или просвещения отечества».¹⁸

Несколько лет Н. Н. Демидов почти безотлучно прожил во французской столице, так что соотечественники стали воспринимать его

«скорее жителем Парижа».¹⁹ Там же, в Париже, в 1818 г. скончалась Елизавета Александровна, но к тому времени их брак был уже формальным. Мемуарист Ф. Ф. Вигель утверждал, что оба супруга имели незаконно рожденных детей, которых воспитывала некая мадам Коммариэ (якобы «родительница» Огюста Монферрана).²⁰ Затем Н. Н. Демидов перебрался в Италию, где после периода жизни в Риме и пребывания в Пизе и Банны-ди-Лукка обосновался в 1822 г. во Флоренции.

Н. Н. Демидов к тому времени был неизлечимо болен, но продолжал вести активную деловую переписку со своими уральскими заводчиками. Так в 1827 г. во флорентийском палаццо Серристоры на набережной реки Арно появился новый секретарь — Феоктист Андреевич Улегов (1803–1830). О Ф. А. Улегове следует сказать особо, поскольку вскоре на его долю выпала важная роль в посмертном перемещении своего хозяина. Происходил он из крепостных Нижнетагильского завода и с 10-летнего возраста привлекался к вспомогательным работам на железном руднике. Отец его был наставником местной общины старообрядцев-поморцев, тем не менее, он отправил сына в Екатеринбург, где тот частным образом выучился у священника официальной православной церкви. Вернувшись в Нижнетагильский завод в 1819 г., Феоктист уже не придерживался отцовской веры. В 1820 г. по воле Н. Н. Демидова на Урал прибыл отставной штабс-капитан Евлампий Максимович Мосцепанов, назначенный на должность главного учителя Выйского училища (поселки Выйского и Нижнетагильского заводов к тому времени фактически слились). Ф. Улегов стал одним из его помощников. Вскоре между Е. М. Мосцепановым и тагильскими заводскими служащими разгорелся острый конфликт. Учитель был обвинен в подстрекательстве рабочих к бунту и отдан под следствие, длившееся до 1825 г.²¹ Ф. А. Улегов также подозревался «в соучастии»²² и был помилован по коронационному манифесту Николая I в августе 1826 г. В ноябре–декабре того же года Нижнетагильский завод посетил надворный советник Степан Дмитриевич Нечаев (1792–1860),

¹⁶ Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 508.

¹⁷ Чистов К. В. Легенда о Беловодье // Тр. Карел. филиала АН СССР. Вып. 35: Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1962. С. 166.

¹⁸ Свинын П. П. Воспоминания о Тайном Советнике Николае Никитиче Демидове. СПб., 1829. С. 1, 2.

¹⁹ Комаровский Е. Ф. Записки графа Е. Ф. Комаровского. СПб., 1914. С. 159.

²⁰ См.: Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 886.

²¹ См.: Черноухов Э. А. Дело Е. М. Мосцепанова // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность. Екатеринбург, 2008. Кн. 1. С. 244–248.

²² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 582. Л. 213.

прибывший на Урал с секретной миссией изучения старообрядчества и сектантства. Ф. А. Улегов принял на себя роль добровольного агента, весьма деятельного и осведомленного. Имя его неоднократно встречается в записных книжках надворного советника.²³

Покидая Урал, С. Д. Нечаев обещал Ф. А. Улегову похлопотать о его переводе в Москву. Хлопоты увенчались успехом, хотя и несколько неожиданным. Письмом от 25 февраля 1827 г. Ф. А. Улегов уже с дороги сообщал своему покровителю о важной перемене в своей судьбе: «Его Превосходительство г. Николай Никитич Демидов... приказал здешней конторе отправить меня в Одессу, чтобы тамошний управляющий Лонгинов, взглянув на меня, отправил через Константинополь к нему в Италию».²⁴

22 апреля 1828 г. Н. Н. Демидов скончался в палаццо Серристри. Управление всеми делами принял его старший сын Павел Николаевич (1798–1840), прибывший во Флоренцию еще летом 1827 г. 25 августа 1828 г. Ф. А. Улегов писал С. Д. Нечаеву из Баньи-ди-Лукка: «Состояние мое по смерти прежнего господина, по милости Божией, не только не изменилось к худшему, но еще обратилось на лучшее. Его Высокоблагородие г. Павел Николаевич явил ко мне особое и совсем неожиданное расположение, до того простершееся, что в 6-е число августа (по русскому стилю), в день своего рождения, в знак особой ко мне милости он наградил меня отпускою... Я покамест нахожусь при Его Благородии вторым секретарем. Коренная же должность, как видно, назначится мне на заводах. Жена моя туда давно отправлена... а за нею и я вскоре туда последую».²⁵

Умирая, Н. Н. Демидов не оставил «никакого завещательного акта» (по свидетельству сына), зато велел похоронить себя в Нижнетагильском заводе. Некто И. О., наблюдавший похоронную процессию уже в Киеве, писал о Н. Н. Демидове: «...расстроенное здоровье удалило из отечества в теплейший климат — в Италию, а смерть возвратила на родину, в то самое имение, в котором он сам предназначил местом для своего погребения, именно в Нижне-Тагильский завод Пермской губернии, отстоящий более шести тысяч верст от

Флоренции».²⁶ Версию о последней воле заводчика поддерживают современные российские и итальянские исследователи.²⁷ П. П. Свинын отмечал роль П. Н. Демидова: «...тело с Высочайшего разрешения и по распоряжку старшего наследника привезено сухопутно из Флоренции в Россию и препровождено до Нижнетагильских заводов с самою пышною и приличною церемонией».²⁸ Похвала сыну, разумеется, не отрицает последней воли отца.

«Распорядок», полученный Ф. А. Улеговым от П. Н. Демидова 2 октября 1828 г., был весьма детален. В бумагах секретаря сохранился черновик этого предписания, изначально помеченный 14 сентября. «По получении сего предписания и Шнуровой Книги на записку прихода и расхода денег имеешь ты отправиться за препровождением тела покойного любезного Моего Родителя до города Радзивилова, — писал Ф. А. Улегов сам себе от имени молодого хозяина. — С тобою ж вместе отправляется в звании переводчика Фридрих Пайер, двое русских кучеров для исправления всех работ, могущих быть в дороге, и управления лошадьми и для сего самого предмета нанятой итальянец, коему следует платить по 10 паолов в день».²⁹

Карету, на которой везли тело, описал И. О.: «Огромный экипаж, нарочно для сего сделанный, покров из черного тонкого сукна, обложенный по краям и в середине серебряным широким газом, шесть запряженных коней под черными богатыми покрывами...»³⁰ Киевлянин, разумеется, не знал, что карета покрывалась «одеялом, а шесть лошадей черными попонами» и что кучера надевали «приготовленное для них платье» лишь «при въезде в города», равно как и о том, что в дороге восемь лошадей делились поровну на две кареты — на ту, что везла тело, и ту, в которой ехали Ф. А. Улегов с Ф. Пайером.³¹

²⁶ Современные летописи. Переписка. Из Киева. От И... О... // Отч. зап. 1829. Ч. 37, кн. 106. Февраль. С. 313.

²⁷ См.: Клат С. А. Выйско-Никольская церковь в Нижнем Тагиле — фамильная усыпальница Демидовых: История создания и разрушения. Екатеринбург, 2003. С. 7; Неклюдов Е. Г. Указ. соч. С. 99; Тонини Л. Русский коллекционер в Италии. Николай Демидов во Флоренции в начале XIX века // Дом Бурганова. Пространство культуры. М., 2010. № 4. С. 96.

²⁸ Свинын П. П. Указ. соч. С. 30.

²⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Д. 210. Л. 65. Паоло — серебряная монета, введенная в оборот римским папой Павлом III (отсюда ее название) в 1530–1540-х гг. Чеканилась и имела хождение в Папской области, Тоскане и Северной Италии вплоть до 1866 г.

³⁰ Современные летописи. С. 314.

³¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Д. 210. Л. 66, 66об.

²³ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 5. Л. 6, 50.

²⁴ Письма Феоктиста Улегова. Из архива С. Д. Нечаева // Братское слово. 1893. Т. 2. С. 325.

²⁵ Там же. С. 495.

Секретарю с помощниками предписывалось на протяжении всего пути «соблюдать благочиние и тишину», «ехать шагом и отнюдь не рысью и не более делать 30 или 35 верст в день», «самого себя, Фридриха Пайера и кучеров содержать приличною пищею без прихоти» и «лошадям давать нужное количество овса и сена», следя за тем, «чтобы корм до них доходил». На ночлег должно было останавливаться «в трактирах, но не иначе, как сперва договорившись в цене», а «карету с телом ставить в особый сарай при карауле одного из двоих кучеров и наблюдать, чтобы посторонние люди не сбились толпами около кареты». Наконец, Ф. А. Улегову поручалось «ежедневно производить в выдачу нищим по десяти рублей, какой бы то ни было монетой», и «если ж в какой день сия сумма не вся выйдет, то остаток раздавать на другой день».³²

Требования были расписаны со знанием нравов соотечественников. Так, в 1825 г., при проезде траурного поезда с телом Александра I через Москву, «некоторые чиновники, бывшие в церемонии, надеясь на свои широкие мантии, навешали на эфесы шпаг кренделей и баранок; а печальный рыцарь был пьян и шатался из стороны в сторону».³³ Как тут было не напомнить слугам о благочинии? И езду шагом необходимо было оговорить, ведь, по меткому замечанию Н. В. Гоголя, «какой же русский не любит быстрой езды». «Нигде не ездят с такой быстротой, как у нас», — уверял маркиза де Кюстина «один знакомый русский».³⁴ К тому же быстрая езда по хорошим европейским дорогам могла соблазнить сопровождающих экономией (в свою пользу) на ночлегах. И роскошь демидовского поезда, разумеется, была напоказ. В 1847 г. дипломат И. С. Мальцов поучал С. Д. Нечаева (к тому времени сенатора), что в Европе «с подобною свитою, каковою ты предполагаешь окружить сенаторство свое, разъезжают только владельческие принцы», и советовал ему «взять одного камердинера».³⁵ Но сверхбогатый Н. Н. Демидов всегда вел себя как принц: в Париже жил «барски... в пребольшем доме с обширным садом» (Ф. Ф. Вигель), демонстрируя «блеск российского боярина» (П. П. Свиньин); во Флоренции «зажил... владельческим князь-

ком второй руки» (М. Д. Бутурлин).³⁶ Смерть не была достаточной причиной для смены привычек — образ жизни перетекал в образ смерти.

5 октября 1828 г. Ф. А. Улегов получил на поездку 4 000 франков от Октава Жонес-Спонвиля (1800–1875),³⁷ служившего секретарем сначала у Н. Н. Демидова, затем последовательно у его сыновей Павла и Анатоля. Из Флоренции траурная процессия выехала на следующий день, 6 октября. В Болонье почему-то пришлось взять в провозатые десять гвардейцев с офицером и потратиться на их угощение. В венецианском городе Ровиго наняли медицинского чиновника, потом следующего и так вплоть до Вены, вероятно, из-за особых правил провоза мертвого тела по владениям Габсбургов (итальянский кучер Дель Боно, впрочем, болел, но за его лечение Ф. А. Улегов платил особо). Вены достигли через месяц после начала путешествия и, прежде чем въехать, опять вызвали доктора, который осмотрел «за городом... погребальный конвой». 7 ноября совладельцы венской банкирской конторы Н. А. Арнштейн и Б. Эскелес (К. Маркс называл их «основными вексельными маклерами» австрийской столицы³⁸) выдали Ф. А. Улегову еще 2 000 талеров, т. е. свыше 5 200 франков. Там же Феоктист рассчитался с Дель Боно, наняв вместо него немецкого кучера. Русские кучера, Калина и Леван, тем временем отдыхали, и Улегов дополнительно брал на четыре дня венского извозчика. По пути он тратился на оплату гостиниц, на еду и кофе для людей, на сено и овес для лошадей, на водку ветеринарам и солдатам, на пошлины (таможенные, полицейские, мостовые, подорожные и городские), на подарки чиновникам, на одежду кучерам, на восковые свечи и пр., о чем скрупулезно делал записи в шнуровой книге. Наконец, проведя в дороге 67 дней, Ф. А. Улегов распрощался в приграничном австрийском городе Броды с переводчиком Ф. Пайером и немецким кучером.³⁹

13 декабря Федор Петрович Соловьев (1789–1856), недавний управляющий Московской домовой конторой Демидовых, побывавший во

³² Там же. Л. 65, 65об., 68, 68об.,

³³ Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 241.

³⁴ Костин А. Россия в 1839 году. М., 2007. С. 241.

³⁵ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 5. Л. 6, 50.

³⁶ Бутурлин М. Д. Записки графа М. Д. Бутурлина. М., 2006. Т. 1. С. 125; Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 886; Свиньин П. П. Указ. соч. С. 5.

³⁷ См. о нем: Чудинов А. В. Опыт родословной А. О. Жонес-Спонвиля, главноуправляющего Демидовских заводов // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 3 (142). С. 150, 151.

³⁸ Маркс К. Чрезвычайно важные известия из Вены // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М., 1959. Т. 13. С. 353.

³⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Д. 210. Л. 2–50б.

Флоренции не позднее июля 1828 г. и вернувшийся обратно уже управляющим Петербургской домово́й конторой,⁴⁰ докладывал Павлу Николаевичу из приграничного города Радзивилов: «После двадцатидвухдневного ожидания процессии с телом незабвенного Вашего родителя третьего дня, т. е. в 11-е число сего месяца, в два часа пополудни я встретил достойного вечной памяти Его Превосходительство в пределы любезного нашего Отечества со всем должным приличием и церемониею, и, приняв весь конвой с распискою от Секретаря Улегова, я сегодняшнего дня отправил из Радзивилова по тракту на Киев».⁴¹ В древней столице церемонии обрели новый размах. По свидетельству И. О., 2 января 1829 г. «Епископ с Духовенством и хором певчих в 10 часов утра прибыл в собственный дом покойника, где находилось его тело, и, по облачению в траурные священные одежды, отпели литию. Отсюда началось шествие к приходской церкви Добро́го Николая, к которой принадлежит дом его. В сей церкви совершена Божественная литургия самим Викарием, по окончании которой сказана краткая надгробная речь Священником той церкви. После службы отпета панихида на улице подле гроба, которого не вносили в церковь. Потом продолжалось церемониальное шествие мимо Братского монастыря, Вознесенской и Введенской церковей до самого Днепра».⁴² Организатором «столь благолепного провожания» выступил Ф. П. Соловьев, общавшийся с духовенством вопреки собственной приверженности к старой вере: в тот момент важна была лишь вера покойного. Из Киева Соловьев повез тело в Москву.

Ф. А. Улегов также выехал из Радзивилова на Киев 14 декабря 1828 г., но теперь везли его тройки вольных ямщиков, а груз составляли одни хозяйские ящики с иконами и бумагами. Доставив их в Петербургскую контору, Феоктист встретился с С. Д. Нечаевым и говорил с ним «очень просто», о чем после сожалел, «...ибо простота не всегда бывает у места, особливо ныне, когда политика воцарилась повсюду и почти всегда необходима».⁴³ Очевидно, дворянин и коллежский советник дал понять свежему вольноотпущеннику, что ровней

они так и не стали. Ф. А. Улегов через Нижний Новгород, Казань и Пермь добрался до Нижнетагильского завода, где ему предстояло вступить в должность конторщика. Сделать это он, впрочем, не успел.

1 марта 1829 г. Феоктист Улегов и приказчик (бывший плотинный мастер и механик) Петр Степанович Макаров⁴⁴ прибыли в Пермь, чтобы встретить и сопроводить в Нижнетагильский завод тело Н. Н. Демидова. Им было известно, что тело покинуло Казань 25 февраля. Письмом от 6 марта то ли в Венецию, то ли в Петербург (местонахождение адресата не было известно) они извещали П. Н. Демидова о том, что в Перми планируют «приобождавать, обдумав и приготовив все нужное для печальной церемонии при проезде чрез сей город», и что опасаются, чтобы «не застигла... в пути бездорожица по случаю приближения теплого весеннего времени».⁴⁵ Волнения оказались напрасны, и 17 марта П. Макаров докладывал, что «12 и 13 числа сего месяца город Пермь с телом Его Превосходительства Дражайшего Родителя Вашего мы проследовали благополучно. Церемония, как при встрече, так и [при] провожании тела, была самой блистательной».⁴⁶

Наконец, в полдень 26 марта, через 171 день после выезда из Флоренции, «погребальный конвой» достиг Нижнетагильского завода. В начале и в конце этого пути тело Н. Н. Демидова сопровождал Ф. А. Улегов. Ф. П. Соловьев до Нижнетагильска не доехал, возможно потому, что «соорудителем» прощальной церемонии там по должности выступал его недруг — директор Нижнетагильских заводов Александр Акинфиевич Любимов. По описанию Ф. А. Улегова, подле величественного Входа-Иерусалимского собора «гроб вынят из кареты и ящика невредимо и поставлен в церкви, прилично убранной трауром, на катафалку. Церемония при встрече была примерная и сопровождалась многочисленным стечением народа».⁴⁷ А вот ожидавшийся визит П. Н. Демидова на Урал не состоялся. «Известие, что Ваше Высокоблагородие изволили отправиться из Петербурга в Париж, произвело в сердце моем глубокую грусть, ибо не удостоюсь уже ныне видеть лично Благодетельной

⁴⁰ См.: Мельчакова О. А. Комиссар Н. Н. Демидова в Нижнетагильских золотых приисках в 1823–1828 гг. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 12. Екатеринбург, 2011. С. 98, 99.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Д. 210. Л. 1.

⁴² Современные летописи. С. 314, 315.

⁴³ Письма Феоктиста Улегова. С. 501.

⁴⁴ См. о нем: Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале: XVII — начало XX века. Свердловск, 1981. С. 72.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Д. 210. Л. 41, 41об.

⁴⁶ Там же. Л. 46.

⁴⁷ Там же. Л. 49–49об.

Особы Вашей...» — сокрушался Ф. А. Улегов в донесении от 25 октября 1829 г.⁴⁸

Единожды посетив свои уральские заводы, Н. Н. Демидов, тем не менее, не без успеха управлял ими из-за границы, посвящая работе с бумагами «хотя бы по часу в сутки» и негодуя на конторы за неактивность или неаккуратность в предоставлении отчетов. Погребенный в Италии или (подобно предкам) в Туле, он, вероятно, оказался бы вскоре забыт уральцами. Захоронение в тагильской земле воссоздало ситуацию дистанционной опеки, только теперь дистанция пролегла не между странами, а между мирами — здешним и загробным. Покойный заводчик становился для заводского округа и его населения тем же, чем умерший предок (по неосвященным церковью, но повсеместно распространенным верованиям) был для своих потомков, — духом-покровителем, домовым.⁴⁹ Не позволяли заводчанам забыть об умершем родителе и сыновья Павел и Анатоль Демидовы, по заказу которых в 1836 г. в Нижнетагильске был установлен памятник Н. Н. Демидову, выполненный французским скульптором Ф.-Ж. Бозио.

Погребение Н. Н. Демидова положило начало традиции долгих похорон и новому родовому некрополю — теперь уже на Урале. В 1835 г. по воле и на средства П. Н. и А. Н. Демидовых началось возведение Выйско-Никольской церкви. Правда Павел Николаевич до завершения строительства не дожил: в 1840 г., оставив годовалого сына Павла во Франкфурте-на-Майне, он вместе с супругой поехал в Брюссель и на обратном пути умер в Майнце. Тело доставили в Петербург и погребли в Александро-Невской лавре. В 1845 г. новый тагильский храм был достроен. В сентябре 1862 г. останки Н. Н. Демидова были перенесены в специально устроенную в храме усыпальницу. В 1875 г. по воле Павла Павловича Демидова (1839–1885) прах

его отца, Павла Николаевича, также отправился в дальний путь — из столицы поездом через Москву до Нижнего Новгорода, затем по Волге и Каме до Перми и по Чусовой до расположенной неподалеку от Нижнетагильских заводов Ослянской пристани.⁵⁰ Сам Павел Павлович, князь Сан-Дonato, при жизни побывал в Нижнетагильском округе дважды — еще ребенком в 1849 г. и уже полноправным владельцем в 1862 г. Но когда он скончался на своей вилле Пратолино под Флоренцией, история долгих похорон вновь повторилась. В сопровождении вдовы Елены Петровны (урожденной княжны Трубецкой) и Антуана Жонес-Спонвиля (сына Октава Жонеса) усопший был доставлен в Нижнетагильский завод, где упокоился рядом с отцом и дедом.⁵¹

После революции 1917 г. произошло «переформатирование» исторической памяти тагильчан о роли и значении прежних заводчиков. Первой жертвой стал «памятник эксплуататору трудового народа Демидову», затем на рубеже 1920-х и 1930-х гг. были закрыты и позднее разрушены Выходо-Иерусалимский собор и Выйско-Никольская церковь с усыпальницей. При сносе стен церкви в 1964 г. в последний раз видели (и даже вскрывали) могилу Н. Н. Демидова.

Однако времена изменились, а вместе с ними и историческая политика. В октябре 2007 г. в Нижнем Тагиле был установлен бюст Н. Н. Демидова работы скульптора О. В. Подольского. В 2014 г. перед зданием Главного управления Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых появился закладочный камень с табличкой, извещающей о намерении администрации города воссоздать на этом месте памятник работы Франсуа Бозио. Последняя воля Н. Н. Демидова о собственном воссоединении с Тагилом оказалась прочно вписана в культурно-символический код индустриального города.

Vladimir A. Shkerin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: shkerin_uit@mail.ru

TRAVEL OF THE DECEASED FROM FLORENCE TO THE NIZHNY TAGIL WORKS

In our mind movement is traditionally associated with life. However history is full of stories in which a person setting out on a long journey was a deceased ruler, a military leader, a wealthy person, a hero,

⁴⁸ Там же. Д. 244. Л. 16.

⁴⁹ См.: Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.; Л., 1957. С. 97.

⁵⁰ См.: Мосин А. Г. Род Демидовых. Екатеринбург, 2012. С. 366, 450–452.

⁵¹ См.: Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики во второй половине XIX века: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. С. 20, 21.

or an “iconic thinker”. Such a “traveler” was treated by the accompanying people not as a dead cargo which had to be transported from one area to another, but rather as a travel companion. In the process of the posthumous relocation and funeral the people wished the deceased bon voyage, asked his forgiveness and gave oaths. His last will which prescribed the route of the movement, the place of the burial, the rituals which had to be observed in the process continued to be in full force and effect. Such instructions and the specifics of their fulfillment could later form the basis of various myths and legends influencing the cultural and symbolic codes of the territories and social communities. Within the context of these theoretical ideas the author describes the story of the delivery from Italy to the Ural of the body of a major industrialist of his time Nikolai Demidov (1773–1828). One of the issues discussed was the symbolic importance of the owner's burial in the territory of a factory district which he visited only once in his lifetime. The N. N. Demidov's funeral laid the foundation for the owners' necropolis in the territory of the Nizhny Tagil works: later his son and grandson were also buried there (they too died in Europe), as well as the other representatives of the famous dynasty.

Key words: *travel, way, burial, Russian Nobility, factory owners Demidovs, Urals, Nizhnetagil'skij zavod, the first half of the 19th century*

REFERENCES

- Berelowitch W. [France in the “Great Tower” of Russian nobles during the second half of the 18th century]. *Cahiers du monde russe et soviétique* [Russian and Soviet world notebooks], 1993, no. 34 (1–2), January–June, pp. 193–209. (in French).
- Berezhok E. V. [Travel guide-books of the late 18th–19th centuries (based on Stroganov private collection of the scientific library of Odessa I. I. Mechnikov National University)]. *Visnyk Odes'koho natsional'noho universytetu. Seriya: Bibliotekoznavstvo, bibliohrafoznaustvo, knyhoznaustvo* [Odesa National University Herald. Library studies, Bibliography studies, Bibliology], 2013, vol. 18, no. 2 (10), pp. 81–101. (in Russ.).
- Chernoukhov E. A. [The Case of E. A. Mostsepanov]. *Kul'tura Urala v XVI–XXI vv.: istoricheskiy opyt i sovremennost'* [Ural culture in the 16th–21st centuries: historical experience and modernity]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2008, book 1, pp. 244–248. (in Russ.).
- Chistov K. V. [Legend of Belovodye]. *Trudy Karelskogo filiala AN SSSR* [Proceedings of the Karelian branch of the USSR Academy of Sciences]. Petrozavodsk: Gosizdat Karelskoy ASSR Publ., 1962, iss. 35, pp. 116–181. (in Russ.).
- Chistyakov V. A. [The idea of a road to the Afterworld in Russian funeral lamentations of the 19th–20th centuries]. *Obryady i obryadovyy fol'klor* [Rites and ritual folklore]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 114–127. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Anthropology of travel: from imago mundi to selfie]. *Ural'skij istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2016, no. 2 (51), pp. 6–16. (in Russ.).
- Guskova T. K. *Zavodskoye khozyaystvo Demidovykh v pervoy polovine XIX veka* [Factory production of Demidovs in the first half of the 19th century]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy dom pechati Publ., 1995, 233 p. (in Russ.).
- Klat S. A. *Vyysko-Nikolskaya tserkov' v Nizhnem Tagile — famil'naya usypal'nitsa Demidovykh: Istoriya sozdaniya i razrusheniya* [Vyisko-Nikolskaya Church in Nizhny Tagil — family tomb of Demidovs: History of creation and destruction]. Ekaterinburg: Demidovskiy in-t Publ., 2003, 51 p. (in Russ.).
- Korshunkov V. A. *Dorozhnaya traditsiya Rossii. Pover'ya, obychai, obryady* [Road tradition of Russia. Beliefs, customs, rituals]. Moscow: Forum Publ., 2015, 240 p. (in Russ.).
- Kozlov A. G. *Tvortsy nauki i tekhniki na Urale: XVII — nachalo XX veka* [Creators of science and technology in the Urals: 17th — the beginning of the 20th century]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoye kn. izd-vo Publ., 1981, 224 p. (in Russ.).
- Melchakova O. A. [Commissioner of N. Demidov at Nizhny Tagil gold mines in 1823–1828]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta Publ., 2011, iss. 12, pp. 85–104. (in Russ.).
- Mosin A. G. [Pavel Demidov: portrait in the first approximation]. *Ural'skaya starina* [Uralian antiquity]. Ekaterinburg: Arkhitekton Publ., 1997, iss. 3, pp. 10–98. (in Russ.).
- Mosin A. G. *Rod Demidovykh* [The Family of Demidovs]. Ekaterinburg: Sokrat Publ., 2012, 532 p. (in Russ.).
- Neklyudov E. G. *Ural'skiye zavodchiki v pervoy polovine XIX veka: vladel'tsy i vladeniya* [Urals manufacturers in the first half of the 19th century: owners and possessions]. Nizhny Tagil: NTGSPA Publ., 2004, 600 p. (in Russ.).

Neklyudov E. G. Ural'skiye zavodchiki vo vtoroy polovine XIX veka: vladel'tsy i vladeniya [Urals manufacturers in the second half of the 19th century: owners and possessions]. Ekaterinburg: RIO UrO RAN Publ., 2013, 664 p. (in Russ.).

Pirogova E. P. *Biblioteki Demidovykh: knigi i sud'by* [Libraries of Demidov: books and destinies]. Ekaterinburg: Sokrat Publ., 2000, 208 p. (in Russ.).

Shakinko I. M. *Demidovy. Istoricheskoye povestvovaniye s portretami* [The Demidovs. Historical narrative with portraits]. Ekaterinburg: Pakrus Publ., 2000, 272 p. (in Russ.).

Shchepanskaya T. B. *Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX–XX vv.* [The culture of the road in the Russian mythological tradition of the 19th–20th centuries]. Moscow: Indrik Publ., 2003, 527 p. (in Russ.).

Stefko M. S. *Evropeyskoye puteshestviye kak fenomen russkoy dvoryanskoy kul'tury kontsa XVIII – pervoy chetverti XIX vekov: avtoref. kand. diss.* [European travel as a phenomenon of Russian Noble culture of the end of 18th – first quarter of 19th centuries: Abst. Diss. Cand.]. Moscow, 2010, 28 p. (in Russ.).

Tchoudinov A. V. [A genealogy of A. O. Jaunez-Sponville, Chief manager of Demidov plants]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2015, no. 3 (142), pp. 144–153. (in Russ.).

Tokarev S. A. *Religioznyye verovaniya vostochnoslavianskikh narodov XIX – nachala XX v.* [Religious beliefs of the East Slavic peoples of the 19th – early 20th century]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1957, 164 p. (in Russ.).

Tonini L. [Russian collector in Italy. Nikolai Demidov in Florence in the beginning of the 19th century]. *Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury* [Burganov House. The space of culture], 2010, no. 4, pp. 94–112. (in Russ.).

Yurkin I. N. *Demidovy – uchenyye, inzhenery, organizatory nauki i proizvodstva: Opyt naukovedcheskoy prosopografii* [The Demidovs – scientists, engineers, organizers of science and production: Experience of science prosopography]. Moscow: Nauka Publ., 2001, 333 p. (in Russ.).